

УДК 902+94
DOI 10.24411/2219-8857-2017-00014

Е. В. Вдовченко

НИЖНЕДОНСКАЯ КОНТАКТНАЯ ЗОНА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НОМАДОВ И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРВЫЕ ВЕКА Н.Э.*

Статья посвящена освещению одной из актуальнейших проблем истории античного Северного Причерноморья: изучению ситуации в Нижнедонской контактной зоне в первых веках н.э. Ее специфика определялась взаимовлиянием античного и варварского иранского мира с одной стороны, а также взаимодействием оседлого и кочевого населения региона с другой. В Нижнем Подонье в I—III вв. н.э. обитали три разных этнокультурных группы: кочевники сарматы, греки — жители Танаиса, а также меоты в городищах на правом и левом берегах Дона. На основе данных анализа археологических данных и письменных источников рассматривается специфика Нижнедонской контактной зоны как результат эволюции в трех взаимосвязанных плоскостях: экономической, этнокультурной и политической. Обращается внимание на освещение проблемы сарматизации Танаиса и меотских городищ, а также на выявление особых культурных практик, возникших в Нижнедонской культурной зоне.

Ключевые слова: Танаис, сарматы, меоты, Нижний Дон, зона контакта, сарматизация.

Сведения об авторе: Вдовченко Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и истории древнего мира, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет.

Контактная информация: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42, Нижневартковский Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет; тел.: +7 (863) 218-40-05, e-mail: vdovchenkov@yandex.ru.

E. V. Vdovchenkov

LOWER DON CONTACT ZONE OF INTERACTION OF NOMADS AND THE SETTLED POPULATION IN THE FIRST CENTURIES CE

The article is devoted to one of the most pressing problems of the history of the ancient Northern Black Sea region: the situation in the Lower Don contact zone in the first centuries CE. Its main peculiarity was the mutual influence of the ancient and barbarian Iranian world on the one hand, and the interaction of the sedentary and nomadic population of the region on the other. In the Lower Don from the first to the third centuries CE, lived three different ethno-cultural groups: the nomads of Sarmatia, the Greeks (inhabitants of Tanais), and the Meotians (in the ancient settlements on the right and left banks of Don). Based on the analysis of archaeological data and written sources, the features of the Lower Don contact zone are presented as a result of evolution in three interconnected planes: economic, ethno-cultural, and political. Attention is paid to the problem of the Tanais and Meotian fortifications, as well as to the identification of specific cultural practices that arisen in the Lower Don contact zone.

Key words: Tanais, Sarmatians, Meotians, Lower Don area, surface area, sarmatisation.

About the author: Vdovchenkov Evgenij Viktorovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Archeology and Ancient History, Institute of History and International Relations, Southern Federal University.

Contact information: 344006, Rostov-on-Don, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Institute of History and International Relations, Southern Federal University; tel.: +7 (863) 218-40-05, e-mail: vdovchenkov@yandex.ru.

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 17-06-00464 «Историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной Мир-Системе».

Статья поступила в номер 16 декабря 2017 г.
Принята к печати 29 декабря 2017 г.

На Нижнем Дону в первые века н.э. сформировалась особая контактная зона. Ее специфика определялась диалогом античного и варварского иранского миров с одной стороны, а с другой — динамичным взаимодействием оседлого и кочевого населения. В этом регионе в I—III вв. н.э. обитали три разных этнокультурных группы: кочевники сарматы, греки—танаиты, а также меоты в городищах на правом и левом берегах Дона (рис. 1).

Географические границы этой контактной зоны могут быть определены как бассейн Нижнего Дона, его дельта и прилегающая акватория Азовского моря, связывающая этот регион с античным миром. Широкое степное пространство соединяло его со степями Восточной Европы и с трассами торговых караванов и сезонных перекочевков. Дон был меридиональной линией взаимодействия с лесостепным и лесным регионами. Хотя интенсивность этих контактов не вполне ясна.

Хронологические границы существования Нижнедонской контактной зоны могут быть определены довольно точно. Она возникла во II—I вв. до н.э. — в раннесарматскую эпоху, когда в этом регионе был только один центр оседлости — Танаис. Меотские городища на Нижнем Дону появились на рубеже эр или в последние десятилетия I в. до н.э. Важно отметить, что Танаис во II—I вв. до н.э. не торговал со своим степным окружением. Ситуация не изменилась после появления в регионе ранних сарматов. Об этом свидетельствует малое количество находок амфорной тары на Нижнем Дону. Так, Д. Б. Шелов, анализируя уровень развития торговли эллинистического Танаиса, обращал внимание на почти полное отсутствие и в донских, и в поволжских сарматских древностях III—I вв. до н.э. обломков античной керамической тары (Шелов 1970: 178). Этот вывод не противоречит свидетельству Страбона: *«кочевники, неохотно вступая в сношения с другими [народами] и отличаясь численностью и силою, преграждают доступ даже в удобопроходимые части страны или по реке, где она допускает плавание вверх»* (Strabo, XI, II, 2).

Рубеж эр — время, когда принципиально меняется схема взаимодействия на Нижнем Дону между номадами и оседлым миром. Происходит смена кочевого населения, появляются поселения меотов на Нижнем Дону. Вследствие этого мы наблюдаем изменение экономической политики Танаиса и активизацию ее торговли с сарматами, с пришлыми меотами и меотами Кубани.

Гибель этой системы, в которой сарматские группировки выполняли роль политического центра, и, опираясь на экономический потенциал меотских поселений, активно взаимодействовали с Танаисом, связан с приходом кочевников из Предкавказья в Подонье в середине III в. н.э. Именно с их миграцией С. А. Яценко убедительно связывает разрушение Танаиса и меотских поселений Нижнего Дона (Яценко 1997). Танаис был восстановлен в IV в., но принял варварский облик. Он существовал до V в. В целом Нижний Дон до раннего средневековья уже не был территорией со значительными очагами оседлости.

Таким образом, рассматриваемый нами период истории региона — I—III вв. н.э. отличается от предшествующей и последующей эпох. Для этой контактной зоны очевидно доминирование варварского, в первую очередь кочевого мира, впрочем, как и важная экономическая роль поселений.

Нижнедонская контактная зона отличается значительным своеобразием, является результатом взаимодействия между греками, меотами и сарматами. Пространство этой контактной зоны как территории межцивилизационного диалога и перекрестка культур мы можем проследить не только по археологическим, но и эпиграфическим данным, а также по материалам антропологии. Имеет смысл рассмотреть его специфику через анализ трех разных взаимосвязанных областей: этнокультурной сферы, экономики и политической сферы.

Этнокультурная сфера. В регионе выделяются три этнокультурных массива: греки, сарматы и меоты. В рассматриваемое время в Подонье доминировали сарматы. Сарматскую эпоху делят на три периода: раннесарматский (II—I вв. до н.э.), среднесарматский (I — сер. II вв. н.э.) и позднесарматский (II—III вв. н.э.). Я далек от мысли напрямую соотносить археологические культуры и общества, однако в случае с донскими сарматами это связь, бесспорно, существует. Переход от одной археологической культуры к другой объясняется миграцией новой орды и установлением ее политического доминирования и изменением культурной парадигмы. За этими периодами стоят, как минимум, четыре волны миграций: появление носителей раннесарматской культуры (II—I вв. до н.э.); миграция в I в. н.э., приведшая к формированию среднесарматской культуры; появление носителей позднесарматской культуры в Подонье в середине II в. н.э.; миграция в Подонье из Предкавказья в середине III в. н.э. Кочевой мир очень изменчив. Эти смены эпох являются прекрасной иллюстрацией изменчивости кочевого мира.

На Дону в I в. до н.э. жили аорсы — носители традиции раннесарматской культуры (Strabo, XI, V, 8). Но в I в. н.э. аорсы в изучаемом регионе не фиксируются. Информация Тацита об аорсах (Tac., Ann., XII, 15—20) может относиться к сарматам, обитающим не в Подонье, а в Таврике. Судя по всему, в I в. н.э. аорсы переселились на запад, хотя континуитет культурных традиций в Подонье и связь населения с раннесарматской культурой позволяют предположить сохранение здесь части прежнего населения.

Сарматы среднесарматской культуры — это, в первую очередь, аланы как ключевая в политическом плане орда. В регионе кочевали и другие народы, упоминаемые Плинием Старшим и Птолемеем. Но датировки их пребывания в регионе носят спорный характер.

Этнонимы носителей позднесарматской культуры нам точно неизвестны. Ряд авторов настроены скептически в отношении этнической атрибуции новой волны мигрантов, проникших в Подонье в сер. II в. н.э. Они ссылаются на скудность данных письменных источников (Малашев, Мошкова 2010: 51—52). С. А. Яценко считает, что это еще одна группировка аланов, вторая волна, двинувшаяся в Европу после средних сарматских этносов. Главный его аргумент заключается в том, что упоминания центра аланов у аль-Хваризми в Приуралье и аланов—скифов Птолемея на восток от Волги могут относиться именно к поздним сарматам, поскольку именно в Приуралье позднесарматская культура сформировалась и получила свой классический облик. Упоминания об участии аланов в дунайских войнах 167—180 гг. С. А. Яценко также относит к «поздним сарматам», т.к. концентрация предполагаемых трофеев от этих войн наблюдается именно на их территории от Урала до Дона (Яценко 2011: 201—202).

Для IV в. в Подонье должны были фиксироваться аланы—танаиты, хорошо известные Аммиану Марцеллину (Amm. Marc., XXXI, 3, 1) и соотносимые со вторым этапом позднесарматской культуры (втор. пол. III — третья четв. IV в. н.э.). Но в эту эпоху контактная зона прекратила свое существование в прежнем виде.

Варварское оседлое население представлено меотами. Меоты на Дону появились из Прикубанья, о чем свидетельствуют сохранение маркеров культуры кубанских меотов: катакомбные погребения, обычай класть миску под голову погребенным, типы жилищ, а также характер хозяйства. Культурные традиции в нижнедонских поселениях весьма различались, что позволяет предположить расселение в регионе разных племен. У нас, за исключением одного места Певтингеровой карты нет данных о донских меотах. У северо-западного сектора Меотиды на карте мы видим название *meote* (Подосинов 2002: 309—310; Tabula Pevting., VIII, 1). Однако в Северо-Западном Приазовье в античную эпоху не было оседлого населения. Это место на карте в реальности, на мой взгляд, отображает северо-восточный угол Меотиды. Речь идет о *meote* — донских меотах. Но на карте в высшей степени схематически передана Меотида, которая не соединяется с Черным морем. Так что размещение на ней ареала донских меотов вполне логично. На карте они находятся на правом берегу Танаиса, что соответствует реалиям Нижнего Дона, где большинство

меотских поселений находилось на правом берегу Дона — от Кобяково до Мокрочалтырского городища (на левом берегу — только поселения Крепостное и Подазовское, оставленные жителями во II в. н.э.). С сер. III в. н.э. меотские поселения на Нижнем Дону были разрушены (Танаис погиб в пожаре в 250—251 гг., а меотские поселения по данным раскопок на городищах и некрополях прекратили существование примерно в это же время). И хотя некоторые данные позволяют предположить, что жизнь на остатках поселений продолжалась, но уже далеко не в тех масштабах. И опять же, на них нет массового материала позже сер. III в.

Фактически это, если моя интерпретация верна — единственное упоминание донских меотов в тот период. Использование их названия для именованья населения нижнедонских городищ первых веков н.э. — результат интерпретации археологических комплексов, явно связанных с меотами Кубани—Приазовья. Есть еще косвенное свидетельство Страбона, который писал о меотах до Танаиса (Strabo, XI, 2, 4), а также информация Плиния Старшего (Plin., Nat. Hist., IV, 88). Важно отметить, что по Плинию Старшему, меоты расселились по северному побережью Меотиды, как и в Певтингеровой карте. Но И. С. Каменецкий объясняет это тем, что у Плиния Старшего смещен Гипанис—Кубань, и, вслед за Кубанью, сместились и меоты (Каменецкий 2011: 169).

Греки из Танаиса также не были однородны. Разгром Танаиса Полемоном I (14/13 гг. до н.э. — 9/10 гг. н.э.) в конце I в. до н.э. привел к значительным подвижкам населения. В городе фиксируется новая волна эллинизации, отразившаяся в погребальном обряде и в экономической жизни города, в частности, в развитии денежного обращения.

Варварское влияние, в первую очередь сарматское, в Танаисе было весьма ощутимо. Зато греческие традиции прослеживаются отнюдь не во всех сферах жизни его обитателей. Например, посвящения Зенону Зевсу, Аресу и Афродите, а также Антимаха Аполлону оставлены пресбевтами, т.е. людьми пришлыми (КБН 1237, 1239). Почитание греческих богов жителями Танаиса не нашло отражения в источниках.

Доминирующее воздействие на этнокультурную сферу оказали сарматы. Первые века нашей эры — время сарматизации. Во II—III вв. номады стали оседать, переселяться в Танаис и на нижнедонские городища. Появление сарматов в Танаисе и меотских городищах во II в. н.э. — установленный факт (материалы некрополей, надписи из Танаиса, появление тамг, использование традиции подкурганых ровиков, данные физических антропологов, деформация черепа). Современные исследователи полагают, что сарматизация Танаиса и меотских городищ началась еще в I в. н.э.

Я думаю, что сарматизация Танаиса — результат как сарматского давления, так и усилий Боспора. Боспор эффективно усвоил ключевой принцип политики Митридата VI Евпатора: использование варваров—переселенцев для усиления своей экономической и военной мощи (Сапрыкин 2006). Привлечение сарматов и прочих варваров предполагало их вовлечение в орбиту влияния Боспора.

Материальная культура и погребальный обряд населения Нижнего Дона показывают смешение разных элементов. Это заимствование греческих традиций (погребения детей в амфорах у меотов), смешанных характер погребального обряда в Танаисе (боспорские погребальные венки, обол Харона сочетается с элементами сарматского погребального обряда), широкое использование античной керамики и других артефактов. Меоты и греки находились под влиянием сарматского военного дела.

Политическая сфера. В первые века н.э. в Подонье доминировали сарматские племена. Концентрация курганных некрополей с элитными погребениями указывает на политические центры сарматов. Феномен элитных комплексов сарматов связан с экзоэксплуатационной (ксенократической) моделью экономики. Номады, в связи со слабостью своей экономической базы, опираясь на свой военный потенциал, искали ресурсы для развития в оседлом мире. Концентрация элитных комплексов на Нижнем Дону в первых веках н.э. позволяет прийти к выводу, что именно в этом регионе находился политический центр

Сарматии. Конечно, номады не были монолитны. Вопрос об их политической организации довольно сложен (Вдовченков 2016). В любом случае, классический отрывок из «Токсариса» Лукиана про отряд со шкурой быка указывает нам возможную форму мобилизации номадов (Лус., Тох., 48).

Меотские поселения в этой ситуации играли важную роль. Динамика их развития Нижнего Дона также связана с влиянием номадов. Свидетельством тому являются артефакты, найденные при исследовании Крепостного (кон. I в. до н.э. — II в. н.э.), Подазовского (I—II вв. н.э.), Кобякова (I—III вв. н.э.), Темерницкого (I—III вв. н.э.), а также Нижнегниловского (I—III вв. н.э.) городищ.

Донские моты были зависимы от номадов. Очевидным свидетельством их зависимости являются погребения кочевой знати на могильниках оседлого населения (курган 10 Кобяковского некрополя). Хуторские хозяйства Кобяковского поселения существовали в степной зоне как поселения, зависимые от сарматов (Глебов, Зоров 2001). Поэтому при описании политической ситуации в регионе в тот период вполне уместна концепция центр—периферия: центром являются сильные кочевые орды, а меоты выступают в качестве жителей зависимой периферии.

Демографически номады доминировали. Численность сарматов мы можем исчислить весьма приблизительно. Ведь мобилизационный потенциал номадов был довольно велик. Так что вряд ли стоит ориентироваться на количество исследованных погребений.

Страбон отмечал, что царь сираков Абеак выставил в I в. до н.э. 20 000 всадников, царь аорсов Спадин — 200 000, а верхние аорсы — еще больше, так как владели более обширной областью (Strabo, XI, V, 8). Аорсы обитали в Подонье и междуречье Подонья—Поволжья. Сведения Страбона о 200 000 всадников, несомненно, преувеличены, но эта цифра — единственная, которую античные авторы сообщают о населении региона.

На основании анализа археологического материала и сравнительно-исторических данных было предпринято несколько попыток определения плотности и численности населения в эпоху раннего железного века. Н. А. Гаврилюк установила, что для степной Скифии плотность населения равняется 1,32 чел. на кв. км (Гаврилюк 1989: 21—24). В. В. Халдеев пришел к выводу о плотности 0,5—1 чел. на кв. км для Заволжья—Приуралья в сарматский период (Халдеев 1987: 281). И. М. Акбулатов оценивает плотность населения южноуральских степей в 0,6 чел. на кв. км. (Акбулатов 1999: 16). Климат Нижнего Подонья отличается большей увлажненностью по сравнению с Приуральем, что позволяет предположить большую плотность населения для номадов. Для площади в 100 000 кв. км. это дает цифру от 100 000 номадов. Учитывая, что политические связи, союзы и взаимодействие охватывали огромные площади степного пространства, я думаю, что мобилизационный потенциал был выше, и речь может идти о десятках тысяч всадников, которые могли быть вовлечены в набеги. Хотя эти цифры близки к мобилизационному пределу степей Дона и Поволжья.

Численность населения меотских поселений Дона — вопрос спорный. Но следует учесть расчеты И. С. Каменецкого. При работе на Подазовском городище он определил, что на 100 кв. м. приходится одно жилище, в котором могло проживать 5 человек (Каменецкий 2011: 247). Если исходить из этих расчетов, то можно приблизительно определить порядок цифр, характеризующих численность меотских поселений. Ориентироваться на некрополи очень сложно, поскольку они очень неравномерно исследованы. Темерницкое городище, по оценке А. И. Ригельмана, занимало площадь 300 на 200 м, т.е. 60 000 кв. м (Шелов 1972: 182), и, исходя из оценки И. С. Каменецкого, это дает примерно 3 000 чел. Что касается Танаиса, то Д. Б. Шелов предполагал численность его населения в первые века н.э. в 1500—2000 человек (Шелов 1972: 277).

Понятно, что меоты представляли собой известную силу. Но фортификация меотских поселений слабо изучена. Планы Ростова-на-Дону XVIII—XIX вв. показывают довольно

развитую фортификацию Темерницкого городища. Раскопки 2017 г. на территории этого поселения привели к выявлению семиметрового рва на его восточной окраине.

Существует мнение, что меотские поселения Нижнего Дона — это хора Танаиса. Очевидны экономические связи Танаиса и меотских поселений. Однако неясно, в какой степени меотские поселения зависели от Танаиса и Боспора. О политической ситуации судить трудно, но, вероятно, меоты больше зависели от сарматов.

Политическое доминирование сарматов на меотских поселениях неизбежно. Меоты давали сарматам необходимые продукты, в то время как сарматы могли при желании создать очень много проблем для меотов — от прямого захвата поселений до вмешательства во внутренние дела и хозяйство. Поэтому меоты были обречены на тесное сотрудничество с сарматами.

Золотые статеры, найденные в кладах на меотских городищах (Безуглов 2001: 86), могут являться свидетельством особого политического положения меотских поселений. Золотые монеты были не столько предметом обращения (трудно предположить, какие товары могли быть реализованы для поступления множества золотых, найденных в составе кладов на меотских поселениях, да еще при полном отсутствии на них следов денежного обращения), сколько свидетельством каких-то дипломатических контактов.

Таким образом, в рассматриваемой контактной зоне на рубеже эр между меотами и сарматами установилось равновесие, которое смогло восстановиться и после вторжения групп позднесарматской культуры во II в. н.э. Процессы сарматизации резко усилились со втор. пол. II в. н.э., что существенно изменило ситуацию в контактной зоне.

Политическое значение Танаиса определялось его ролью в политической системе Боспора. Нам неизвестны отношения Боспора и Танаиса в III—I вв. до н.э. Однако после разрушения Танаиса Полемоном I он оказался в формате боспорской политики.

Известны три разрушительных события в истории этого поселения:

1. Разгром Танаиса на Полемоном I (Strabo, XI, II, 3) и дальнейшее его восстановление с частичной сменой населения;
2. Разрушения в сер. II в. н.э. как результат экспансии со стороны номадов, после которого наблюдается включение сарматского элемента в состав городского населения.
3. Разрушения в середине III в. н.э.

Эти события связаны с воздействием кочевой периферии. Особенно второе и третье. В противостоянии Танаиса и Полемона I мы тоже можем видеть следы участия варваров в политической жизни Боспора.

Именно пограничное состояние определило специфику Танаиса, его политический статус. Стоит обратить внимание на политическое значение Танаиса в Боспорском царстве, находящегося в стратегическом центре Сарматии, где пересекались интересы разных сарматских группировок, а также Боспора и Рима. Это ярко проявилось после кризиса сер. II в. н.э., в новых политических реалиях.

Со втор. пол. II н.э. в Танаисе присутствует царский пресбевт — посол-легат, наместник царя, играющий видную роль в управлении городом. Главной его функцией следует признать военную. Тем более что упоминания пресбевта чаще всего связаны с надписями о восстановлении оборонительных укреплений. Пресбевты как главы городов присутствовали только в Танаисе, что говорит о его особом значении. Особый статус Танаиса в структуре Боспорского государства определялся не фактом позднего вхождения и не отдаленностью (Шелов 1972: 264), а, в первую очередь, военной значимостью города. Он находился на важнейшем в военно-стратегическом отношении участке, рядом с главным политическим центром племен среднесарматской и позднесарматской культур.

С политикой усиления военного потенциала Танаиса следует, видимо, связать переселения танаитов. По моему мнению, танаиты — группировка, набираемая из местных, преимущественно ираноязычных кочевников для несения военной службы. Таким образом,

сарматизация происходила, в первую очередь, из-за переселения сарматов на территорию Танаиса для военно-политического усиления города. Военная мощь танаитов не была велика. Их было 200—300 чел. По сравнению с мобилизационным потенциалом сарматского мира мощь танаитов была ничтожна. Здесь следует, скорее всего, учитывать их политическое влияние и связи с сарматским миром.

Особое положение Танаиса как пограничного города сказалось на его судьбе. Подверженный влиянию сарматов, он, после разрушительных событий середины II в., был вынужден принять новых жителей, наделить их гражданскими правами. Это было сделано с целью упрочить военно-политическое положение в регионе. Переселенцы, в свою очередь, оказали религиозное, этническое и культурное влияния на греков, способствовали варваризации Боспора. Иранизация города отразилась в погребальном обряде, а также в некоторых элементах культуры.

С новым населением связана деятельность танаисских фиасов, независимо от греческих или иранских корней этого явления, а также активная строительная деятельность. Значительная часть надписей Танаиса создана от имени частных объединений. Из всех версий о предназначении союзов мне наиболее вероятной представляется версия об их военном значении. В этих союзах не было женщин. Скульптурные изображения членов фиаса II в. представляют собой фигуры воинов. В частных союзах, по расчетам Д. Б. Шелова, состояли все свободные мужчины Танаиса: 250—300 чел. (Шелов 1972: 277—278). Тотальная вовлеченность населения легко объясняется с точки зрения военного значения этих организаций. Союзы играли значительную роль в военной организации Боспора.

Наличие общины танаитов и религиозных объединений с военной функцией, вовлекающих в свой состав всех жителей Танаиса, позволяет нам связать эти два факта. Союзы — форма военной организации как прежнего населения, так и нового. При этом роль танаитов в военно-политической сфере могла быть более значимой. Не только в связи с их военными навыками, но и в силу их связей с сарматским миром. Упоминание лохага танаитов подтверждает мысль о том, что приоритетной задачей танаитов была военная служба.

Второй этап позднесарматской культуры (сер. III — втор. пол. IV в. н.э.) привел к большим переменам в политической системе степной зоны Европы. Равновесие между сарматами, меотами и греками было нарушено. На Нижнем Дону мы наблюдаем упадок поселений. Конкретные обстоятельства гибели Танаиса и меотских поселений реконструируются в какой-то степени по данным археологии. Но детальная картина пока не сложилась. В любом случае, последовала смена кочевого населения, а нижнедонские степи утратили статус ключевого политического центра Сарматии.

Экономика. Для экономики сарматов, как типичных кочевников, характерно экстенсивное кочевое скотоводство. Это явственно следует как из сообщений античных авторов: «*Что касается кочевников, то ... они следуют за пастбищами, всегда по очереди выбирая богатые травой места, зимой на болотах около Меотиды, а летом на равнинах*» (Strabo, VII, III, 17), так и из археологического материала.

Изучение орудий труда и конской упряжи позволяет сформировать представления о жизни населения региона в тот период. Но остаются вопросы, на которые сложнее дать ответ. Это определение траекторий перекочевок, выявление мест зимовок (иногда они прослеживаются по довольно тонкому культурному слою (Ставиский, Яценко 2002: 148), выявление роли земледелия, а также уточнение представлений о климатических условиях. Сарматы занимались земледелием, которое носило вспомогательный характер. Свидетельством тому являются единичные находки сельскохозяйственных орудий: серпов, зернотерок, мотыжек (Максименко 1998: 98). Следует учесть и свидетельство Страбона о номадах Северо-Западного Причерноморья: «*область иазигских сарматов, страны так называемых царских сарматов и страны ургов, по большей части кочевников (хотя немногие занимаются земледелием)*» (Strabo, VII, III, 17). Говоря об области, прилегающей с

севера к Кавказу, Страбон писал: *«При таком географическом положении первую часть — от северных стран и океана — населяют некоторые скифы—кочевники, живущие в кибитках, а еще далее от них в глубь страны — сарматы (также скифы), аорсы и сираки, простирающиеся на юг до Кавказских гор; они частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием»* (Strabo, XI, II, 1).

Значительную роль в жизни населения играла торговля. Сарматов интересовали одежда оседлого населения, а также ткани, украшения, фибулы и вино, которые они выменивали на скот и рабов (Strabo, XI, II, 3). Важнейшим товаром, пользовавшимся стабильным спросом, были бусы и бисер (Ставиский, Яценко 2002: 160).

Торговля была примитивной. Сарматам была чужда идея монетного обращения (Безуглов 2001: 98). В письменных источниках содержится следующая информация: *«Но и теперь еще есть так называемые «обитатели кибиток» и «кочевники», занимающиеся скотоводством и питающиеся молоком, сыром и главным образом сыром из кумыса; они не умеют делать запасов и не знают торговли, кроме обмена товара на товар»* (Strabo, VII, III, 7).

Роль сарматов в экономике региона заключалась в том, что они были поставщиками скота и рабов, а также заказчиками продукции. Следует выделить роль знати, которая выделяется своей элитарной субкультурой, выражением чего являются престижные предметы, найденные в погребениях. Вопрос об источниках импорта у сарматов: металлической посуды, стеклянных сосудов и украшений породил дискуссию. Вполне возможно, что они поступали как добыча или дипломатические дары (Клейн 1979; Кривошеев 2014). Д. Б. Шелов (Шелов 1972: 195) и С. И. Безуглов (Безуглов 2017: 32—33) пришли к выводу, что эти товары поступали в результате торгового обмена.

Оседание сарматов с сер. II в. н.э. привело к изменению характера их занятий. Возможная причина седентаризации — засуха в донских степях, и, вследствие этого, ухудшение условий кочевания. На поселениях сарматы занимались торговлей и, возможно, земледелием.

Танаис — самый крупный торговый и ремесленный центр региона. По свидетельству Страбона, он быстро превратился в *«общий торговый центр азиатских и европейских кочевников, с одной стороны, и прибывающих на кораблях в озеро с Боспора — с другой; первые привозят рабов, кожи и другие предметы, которые можно найти у кочевников, последние доставляют в обмен одежду, вино и все прочие принадлежности культурного обихода»* (Strabo, XI, 2, 3). Значительные объемы торговли позволили городу стать *«самым большим после Пантикапея эмпорием варваров»* (Strabo, VII, 4, 5).

Танаис был главным посредником между степью и античными центрами в Подонье и Северном Приазовье, и, видимо, Поволжья. Не вполне понятна роль сухопутных путей в его торговле: как западных, так и восточных. Находки костей верблюда дают нам почву для размышлений об использовании этих животных в торговых караванах. Находка сероглиняной керамики говорит о тесных связях с Центральным Предкавказьем.

В Танаисе изготавливали фибулы (Шелов 1972: 95—96) и изделия из стекла (Шелов 1972: 100—101). Население Танаиса занималось земледелием, скотоводством и рыболовством. Особенностью животноводства в Танаисе является как активное разведение мелкого рогатого скота, так и относительно небольшой процент свиней (Шелов 1972: 84). Похоже, это было вызвано сарматизацией (Шелов 1972: 82).

Меотские поселения специализировались на земледелии, скотоводстве и рыболовстве. Так, на Подазовском городище найдены рожь, ячмень, мягкая пшеница, полба, чечевица, лен (Каменецкий 2011: 249), а раскопки 2017 г. на Темерницком городище в то же время не дали находок зерна, что может косвенно свидетельствовать о большей значимости рыболовства для этого центра.

Пока еще в нашем распоряжении слишком мало данных о развитии ремесла у донских меотов. Обычно на меотских поселениях нет следов ремесленного производства (кроме

керамического). Однако раскопки 2017 г. на Темерницком городище в рамках реконструкции ул. Станиславского и на площади 5-го Донского корпуса позволили получить новые данные, которые еще обрабатываются исследователем памятника А. А. Нечипоруком. В рамках исследования в хозяйственных ямах были выявлены куски шлака. Анализ, проведенный на микрофлуоресцентном рентгеновском спектрометре M4 Tornado (Bruker) в Международном исследовательском центре «Интеллектуальные материалы» Южного федерального университета, позволил прийти к интересным результатам¹. В семи фрагментах шлака было найдено железо (от 6% до 43%). Также был найден фрагмент льячки со следами меди и олова. Есть все основания приписывать эти находки слоям меотского поселения, а не культурным остаткам поселения константиновской культуры, чьи следы тоже были обнаружены на Темерницком городище. Таким образом, в культурном слое меотского поселения найдены следы черной и цветной металлургии. Конечно, трудно предполагать, что такие крупные центры как Кобяково или Темерницкое городище могли обходиться без металлургической обработки, но, тем не менее, эти находки позволяют внести конкретику в этот важный вопрос.

Таким образом, в экономическом плане контактная зона обладала своей заметной спецификой, и влияние ее за счет экономических контактов выходило далеко за пределы Донского региона, достигая Поволжья и Предкавказья.

Итак, история Нижнедонского контактного пространства делится на две этапа: до середины II в. н.э. и после. Миграция поздних сарматов определила судьбу региона. А сарматизация породила новые культурные и социальные практики, как на меотских поселениях, так и в Танаисе.

Появление большого количества сарматов—переселенцев на территории Танаиса II—III вв. вызвало потребность в их аккультурации. Важную роль сыграл культ Бога Высочайшего. Принятие переселенцами его культа было способом их встраивания в религиозную и политическую систему Боспора. Таким образом, распространение нового культа было во многом связано с потребностями Боспора в новой идеологии, ориентированной на слои военных переселенцев (Вдовченков 2015).

Для нижнедонской контактной зоны, таким образом, характерно взаимодействие двух ключевых сил: Боспора и сарматов, которые в среднесарматское время были централизованы, а в позднесарматское время представляли собой более дисперсное общество. Но, тем не менее, сарматы оказывали мощное и постоянное давление на оседлые центры. Экономическое взаимодействие реализовывалось через традиционные торговые связи и модель экзоэксплуатационной экономики.

Литература

- Акбулатов И. М. 1999. *Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н.э. — IV в. н.э.)*. Уфа: НМ РБ.
- Безуглов С. И. 2001. *Денежное обращение Танаиса, III в. до н.э. — V в. н.э.* Дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Безуглов С. И. 2017. Танаис и кочевники Нижнего Дона во II—III вв. н.э. (экономические аспекты). В: *Боспорские чтения*. Вып. XVIII. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути—товары—отношения*. Симферополь; Керчь: Деметра, 29—33.
- Безуглов С. И., Глебов В. П., Парусимов И. Н. 2009. *Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый I)*. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис.
- Вдовченков Е. В. 2015. Религиозные практики сармато-боспорского пограничья (на примере культа Бога Высочайшего). В: Буданова В. П., Воробьева О. В. (отв. ред.). *Цивилизация и варварство: пограничье как феномен, состояние и культурно-историческое пространство*. Вып. IV. Москва: Аквилон, 385—396.
- Вдовченков Е. В. 2016. Потестарная организация сарматского общества. В: *Ранние формы потестарной организации*. Санкт-Петербург: СПбНЦ РАН, АНО «КИО», 107—129.
- Гаврилюк Н. А. 1989. *Домашнее производство и быт степных скифов*. Киев: Наукова думка.

¹ В ближайшее время этот материал будет опубликован в рамках отдельной статьи.

- Глебов В. П., Зоров Ю. Н. 2001. Погребение I в. н.э. в г. Аксай. В: Горбенко А. А. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1999—2000*. Вып. 17. Азов: Азовский краеведческий музей, 47—54.
- Каменецкий И. С. 2011. *История изучения меотов*. Москва: Таус.
- КБН: *Корпус боспорских надписей*. 1965. В: Струве В. В. (отв. ред.). Москва; Ленинград: Наука.
- Клейн Л. С. 1979. О характере римского импорта в богатых курганах сарматского времени на Дону. В: *Античный мир и археология*. Вып. 4. Саратов: Саратовский университет, 204—221.
- Кривошеев М. В. 2014. Импортная металлическая посуда как маркер знатных погребений позднесарматского времени. *Уфимский археологический вестник* 14, 105—112.
- Максименко В. Е. 1998. *Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории)*. Азов: Азовский краеведческий музей (*Донские древности* 6).
- Малашев В. Ю., Мошкова М. Г. 2010. Происхождение позднесарматской культуры (к постановке проблемы). В: *Материалы семинара центра изучения истории и культуры сарматов*. Вып. III. *Становление и развитие позднесарматской культуры*. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 37—56.
- Подосинов А. В. 2002. *Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий*. Москва: Индрик.
- Сапрыкин С. Ю. 2006. К вопросу о сарматизации Боспора рубежа нашей эры. В: Журавлев Д. В. (отв. ред.). *Труды Государственного исторического музея*. Вып. 159. *Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья*. Москва: ГИМ, 236—244.
- Ставиский Б. Я., Яценко С. А. 2002. *Искусство и культура древних иранцев (Великая Степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия)*. Москва: РГГУ.
- Халдеев В. В. 1987. Сколько было сарматов? *СА* 3, 230—231.
- Шелов Д. Б. 1970. *Танаис и Нижний Дон в III—I веках до нашей эры*. Москва: Наука.
- Шелов Д. Б. 1972. *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры*. Москва: Наука.
- Яценко С. А. 1997. Германцы и аланы: О разрушениях в Приазовье в 236—276 гг. н.э. *Stratum plus* 1, 154—163.
- Яценко С. А. 2011. К дискуссии об оформлении позднесарматской этнокультурной общности 2-й половины II — 1-й половины III века нашей эры. *Нижневолжский археологический вестник* 12, 197—213.
- Амм. Марс.: Аммиан Марцеллин. 2000. *Римская история (Res Gestae)*. В: Кулаковский Ю. А., Сонни А. И. Санкт-Петербург: Алетейя (Античная библиотека).
- Лус., Тох.: Лукиан Самосатский. 2001. Токсарид, или дружба. В: Зайцев А. И. (ред.). *Сочинения*. В 2 т. Т. I. Санкт-Петербург: Алетейя, 190—213 (Античная библиотека).
- Strabo: Страбон. *География*. 1964. В: Утченко С. Л. (ред.). *Классики науки*. Ленинград: Наука.
- Тас., Апп.: Корнелий Тацит. 1993. В: Бобович А. С (пер., комм.). *Сочинения в двух томах. Т. I. Анналы. Малые произведения*. Москва: Ладомир.

References

- Akbulatov, I. M. 1999. *Jekonomika rannih kochevnikov Juzhnogo Urala (VII v. do n. je. — IV v. n. je.) (Economics of the early nomads of the Southern Urals (7th century BCE — 4th century CE))*. Ufa: “NM RB” (in Russian).
- Bezuglov, S. I. 2001. *Monetary circulation of Tanais, 3rd c. BCE — 5th c. CE*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Bezuglov, S. I. 2017. In: *Bosporskie chtenija (Bosporian readings)*. Iss. XVIII. *Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Torgovlja: puti—tovary—otnoshenija (Bosporus Cimmerian and Barbaric World in the period of antiquity and the Middle Ages. Trade: ways-goods-relations)*. Simferopol; Kerch: “Demetra” Publ., 29—33 (in Russian).
- Bezuglov, S. I., Glebov, V. P., Parusimov, I. N. 2009. *Pozdnesarmatskie pogrebenija v ust'e Dona (kurgannyj mogil'nik Valovyj I) (Late Sarmatian burials at the mouth of the Don (burial cemetery Valovyj I))*. Rostov-on-Don: “Media-Polis” Publ. (in Russian).
- Vdovchenkov, E. V. 2015. In: Budanova, V. P., Vorob'eva, O. V. (eds.). *Civilizacija i varvarstvo: pogranich'e kak fenomen, sostojanie i kul'turno-istoricheskoe prostranstvo (Civilization and Barbarity: the borderland as a phenomenon, state and cultural-historical space)*. Iss. IV. Moscow: “Akvilon” Publ., 385—396 (in Russian).
- Vdovchenkov, E. V. 2016. In: *Rannie formy potestarnoj organizacii (Early forms of Potestarian Organization)*. Saint Petersburg: “SPbNC RAN”, “ANO «KIO»”, 107—129 (in Russian).
- Gavriljuk, N. A. 1989. *Domashnee proizvodstvo i byt stepnyh skifov (Home production and life of steppe Scythians)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
- Glebov, V. P., Zorov, Ju. N. 2001. In: Gorbenko, A. A. (ed.). *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1999—2000 (Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don in 1999—2000)*. Iss. 17. Азов: “Azovskij kraevedcheskij muzej”, 47—54 (in Russian).
- Kameneckij, I. S. 2011. *Istorija izuchenija meotov (History of the study of Meots)*. Moscow: “Taus” Publ. (in Russian).
- Korpus bosporskikh nadpisej (Corpus of Bosporan Inscriptions)*. 1965. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

- Klejn, L. S. 1979. In: *Antichnyj mir i arheologija (Ancient World and Archeology)*. Iss. 4. Saratov: "Saratovskij universitet", 204—221 (in Russian).
- Krivosheev, M. V. 2014. In *Ufimskij arheologicheskij vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 14, 105—112 (in Russian).
- Maksimenco, V. E. 1998. *Sarmaty na Donu (arheologija i problemy jetnicheskoj istorii) (Sarmatians on the Don (archeology and problems of ethnic history))*. Azov: "Azovskij kraevedcheskij muzej" (Donskie drevnosti 6) (in Russian).
- Malashev, V. Ju., Moshkova, M. G. 2010. In: *Materialy seminarov centra izuchenija istorii i kul'tury sarmatov (Materials of the seminar of the Center for the Study of the History and Culture of the Sarmatians)*. Iss. III. *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoj kul'tury (Formation and development of the late Sarmatian culture)*. Volgograd: "Volgogradskij gosudarstvennyj universitet", 37—56 (in Russian).
- Podosinov, A. V. 2002. *Vostochnaja Evropa v rimskoj kartograficheskoj tradicii. Teksty, perevod, kommentarij (Eastern Europe in the Roman cartographic tradition. Texts, translation, commentary)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
- Saprykin, S. Ju. 2006. In: Zhuravlev, D. V. (ed.). *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja (Proceedings of the State Historical Museum)*. Iss. 159. *Severnoe Prichernomor'e v jepohu antichnosti i srednevekov'ja (Northern Black Sea Coast in the Era of Antiquity and the Middle Ages)*. Moscow: "GIM", 236—244 (in Russian).
- Staviskij, B. Ja., Yatsenko, S. A. 2002. *Iskusstvo i kul'tura drevnih irancev (Velikaja Step', Iranskoe plato, Srednjaja i Central'naja Azija) (Art and Culture of Ancient Iranians (Great Steppe, Iranian plateau, Central and Central Asia))*. Moscow: "RGGU" (in Russian).
- Khaldeev, V. V. 1987. In *Sovetskaja arheologija (Soviet Archaeology)* 3, 230—231 (in Russian).
- Shelov, D. B. 1970. *Tanais i Nizhnij Don v III—I vekah do nashej jery (Tanais and the Lower Don in the 3rd — 1st centuries BCE)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Shelov, D. B. 1972. *Tanais i Nizhnij Don v pervye veka nashej jery (Tanais and the Lower Don in the first centuries of our era)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Yatsenko, S. A. 1997. In *Stratum plus* 1, 154—163 (in Russian).
- Yatsenko, S. A. 2011. In *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik (Lower Volga archaeological bulletin)* 12, 197—213 (in Russian).
- Amm. Marc.: Ammian Marcellin. 2000. *Rimskaja istorija (Res Gestae) (Roman history) (Res Gestae)*. In: Kulakovskij, Ju. A., Sonni, A. I. Saint Petersburg: "Aletejja" Publ. (in Russian).
- Luc., Tox.: Lukian Samosatskij. 2001. In: Zajcev, A. I. (ed.). *Sochinenija (Composition)*. Vol. I. Saint Petersburg: "Aletejja" Publ., 190—213 (Antichnaja biblioteka) (in Russian).
- Strabo: *Strabon. Geografija (Strabo. Geography)*. 1964. In: Utchenko, S. L. (ed.). Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Tac., Ann.: Kornelij Tacit. 1993. In: Bobovich, A. S. (transl., com.). *Sochinenija v dvuh tomah (Compositions in two volumes)*. Vol. I. *Annaly. Malye proizvedenija (Annals. Small works)*. Moscow: "Ladimir" Publ. (in Russian).

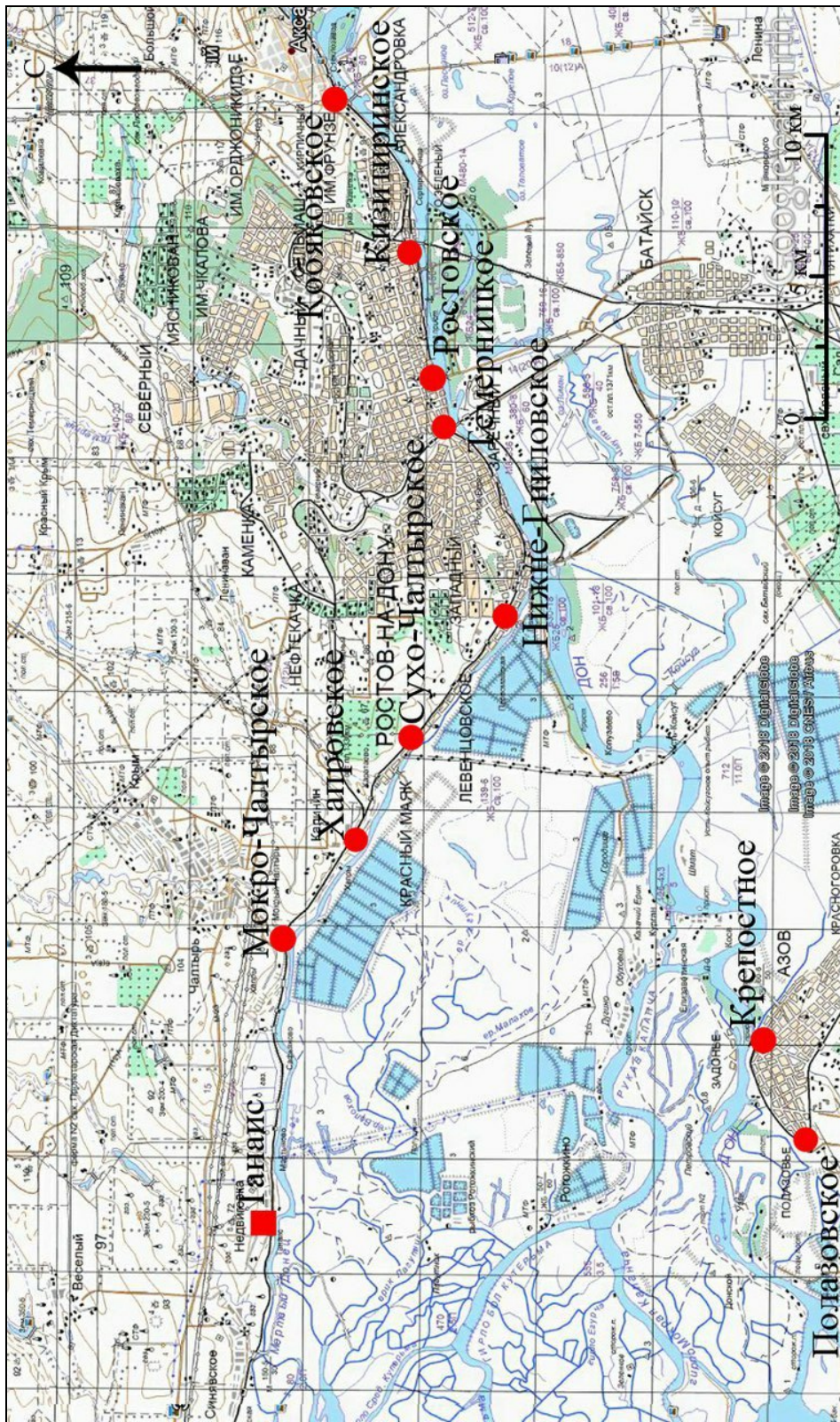

Рис. 1. Поселения Нижнего Дона I—III вв. н. э.

Fig. 1. Settlements of the Lower Don of 1st — 3rd centuries CE.